

Р.Х. СИМОНЯН

Элита или все-таки номенклатура? **(Размышления о российском правящем слое)**

В 1978 г. мне пришлось побывать в Джезказгане – новоиспеченном административном центре только что образованной области Казахской ССР, который спешно обзаводился всеми необходимыми атрибутами своего нового статуса. Был создан весь набор советских и партийных учреждений, включая и соответствующую новому рангу "обкомовскую" гостиницу, которая была переделана из общежития. Еще одним обязательным атрибутом областного центра в советский период было наличие высшего учебного заведения. В глухой провинции это был либо сельскохозяйственный, либо педагогический институт. Вокруг Джезказгана на сотни километров выжженная солнцем полупустыня – какое уж тут сельское хозяйство, поэтому выбрали педагогический. Это был весьма курьезный вуз. Даже кафедры и факультеты возглавляли люди без ученых степеней. Мое недоумение в приватном разговоре развеял один из проректоров: профессорско-преподавательский состав института вполне соответствовал контингенту его студентов, чьи знания находились на уровне учащихся техникума.

Подобных вузов в советское время в республиках Средней Азии и Закавказья (да и в российской глубинке) было немало. Амбиции местных руководителей укладывались в русло идеи повышения уровня культуры отсталых регионов до передовых. Следствием же этого стали не только дискредитация высшего образования, размывание слоя интеллигенции, но и куда более опасное явление – социальный самообман: подмена реальности видимостью. Действительно, по доле инженеров, врачей, учителей, агрономов в составе населения Советский Союз значительно опережал все страны мира, включая и наиболее развитые. Но высококачественных специалистов – тех самых, что сейчас востребованы на Западе, готовили не все номинальные 850, а несколько десятков советских вузов, которые соответствовали своему назначению.

СССР нет уже почти два десятилетия лет, но многое и, к сожалению, плохое от него сохранилось. Тенденция самовозвеличивания, свойственная первым секретарям обкомов, охватила самые широкие социальные слои. Так, почти все педагогические институты в одночасье стали университетами. Появление новых высших учебных заведений в последние годы происходит лавинообразно. При нынешних масштабах российской коррупции получить лицензию на открытие частного учебного заведения – не проблема. Отсюда тревожный парадокс: усиливающаяся тенденция всеобщего снижения грамотности идет на фоне бурного роста количества высших учебных заведений.

Энергия словесного возвышения или, точнее, возгонки статуса охватила и научную сферу: плати взнос в сто долларов и получи действительное членство в "академии наук", подтверждаемое соответствующим красиво оформленным удостоверением. Сей-

час десятки таких "академий", точного количества никто не знает, и, разумеется, большинство – международные, так как в них входят такие же "академики" с Украины и других бывших республик СССР.

Перечень надувания словесных пузырей легко продолжить. В период всеобщей некомпетентности, массового занятия государственных должностей случайными людьми неизбежны девальвация понятий, разрушение смысловой структуры языка. Недостаток реальных ценностей, связанных с высоким профессионализмом, с результатами деятельности, с ощутимыми общественными, научными или творческими достижениями и т.п., компенсируется ценностью словесной. В обществе множатся и "университеты", не дающие университетского образования, и действительные члены "академий наук", научного вклада которых нельзя увидеть даже в самый сильный микроскоп, и "генералы", не выигравшие ни одного сражения, и "либералы", ликвидирующие большевистскими методами демократические институты.

В недавнем прошлом навязанное сверху упоение якобы построенным, да еще и "развитым" социализмом создало пагубную для общественного сознания тенденцию замены действительного мнимым¹, которая, к сожалению, продолжает развиваться. У нынешних руководителей России вместо "развитого социализма" в ходу не менее звонкие фразеологемы: "средний класс", "правовое государство", ну и, конечно же, "гражданское общество". Исторический опыт показывает, что для формирования гражданского общества необходим временной период, включающий жизнь не одного, а двух или более поколений. Первое и главное условие для его построения – наличие граждан не в административном или бытовом, а в общественно-политическом смысле – **людей с гражданским самосознанием.**

Ибо историческая дистанция от верноподданного до гражданина весьма велика. Здесь определяют не количественные, а качественные характеристики. В данной связи просматривается прямая аналогия: проблема переходных постсоветских обществ заключается отнюдь не в ограничении прав на участие в выборах, а в том, как это право реализуется. Действительно, "если же каждый голосует, а подсчет голосов ведется нечестно, или же, если голосующий боится проголосовать против правящей партии, – страна недемократична" [Фромм, 1998, с. 296]. Поэтому, оценивая нынешнюю ситуацию объективно, приходится признать: В России еще не созданы условия для гражданского общества. Демократия – характеристика не только и не столько государственного устройства, сколько уровня гражданского самосознания общества, точнее – степени его социально-экономического развития [Гуманистические... 2002, с. 334].

Существует и другое заблуждение, связанное с традиционным для российского менталитета наивным смешением категорий "общество" и "государство". Его опасность возрастает, когда речь идет о гражданском обществе. Ведь только различие между этими категориями обеспечивает гарантию от присущего бюрократии стремления расширять диапазон своего воздействия на все общество. Сошлюсь на американского социолога Р. Патнэма, подчеркивающего, что "гражданское общество – не самоцель, а лишь необходимый механизм, позволяющий обществу сосуществовать с государством и охранять свои интересы, когда государство перестает полагать себя инструментом и начинает обольщаться собственной самодостаточностью" [Putnam, 1993, p. 124].

Размывание смыслов основополагающих понятий и категорий в современном обществоведении разрушает нормативную лексику языка, насаждает анархию в трак-

¹ Историческая практика показывает, что любая мнимость разрушительна. По меткому выражению булгаковского профессора Преображенского, хозяйственная разруха начинается с разрухи в головах людей. Поэтому наиболее осведомленные представители советского правящего класса сознавали губительность подмены реального виртуальным для сохранения государства. Не случайно Ю. Андропов свою деятельность в качестве руководителя страны начал с шокирующего тогда всех, особенно апологетов "развитого социализма", утверждения: "Мы не знаем общества, в котором живем" [Андропов. 1983. с. 7].

товке событий и не только затрудняет выполнение главной функции языка – способствовать контактам между людьми, налаживать взаимопонимание, осуществлять социальные коммуникации, но наоборот, препятствует ее осуществлению, порождает недоразумения и конфликты. За вольное употребление строгих научных терминов обществу приходится платить по самой высокой цене.

Плачевные результаты подмены понятий становятся особо очевидными, когда речь заходит о нынешней российской политической элите. В принципе, ответ на вопрос, что такое элита, очень прост и ясен: *élite* (франц.) – означает лучшую, отборную часть какого-либо живого или растительного сообщества. Это объяснение можно найти в любом словаре. Те же, кто извращают смысл слов (неважно из-за лексического снобизма или верноподданических чувств), порождают в обществе по отношению к интеллектуалам сначала раздражение, а затем и враждебность. Наука вместо того, чтобы просвещать общество, становится не понятной ему, чуждой корпоративной группировкой. Естественное недоверие к "изобретателям новых смыслов" снижает в обществе уважение к интеллигенции. Возможно, отсюда и проистекает устойчивость восходящих к сталинщине пренебрежительных оценок: "интеллигент", "умник", "в очках" и т.п. Разве советские обществоведы – апологеты развитого социализма – не несут ответственности за эту неприязнь, часто проявляющуюся в российском социуме относительно его интеллектуалов?

Хотя для советской партноменклатуры всегда была характерна завышенная самооценка, она никогда не называла себя элитой, предпочитая пользоваться развернутым, размытым, но понятным народу определением "ум, честь и совесть". Если абстрагироваться от содержания этих слов, такая самоатрибуция, как ни парадоксально, коррелирует с понятием "элита общества" ввиду акцента на нравственной компоненте цитированного определения: **ответственность за состояние общества – категория нравственная.**

Оставив в стороне причины, по которым партийная верхушка, позиционируя себя как элиту, предпочитала говорить об этом населению лишь косвенно, отмечу, что нынешний правящий слой, наоборот, без обиняков объявил себя элитой, пренебрегая нравственными категориями, которые в современных условиях способны разве что резать слух рядового россиянина из-за слишком явного контраста с реальностью. Ангажированные СМИ усиленно внедряют эту самооценку правящей верхушки в массовое сознание. Но ведь элита общества – лучшая, отборная его часть. Это определяет **общественно ценную природу критериев** отбора, а попытка их подмены неизбежно приведет к тому самому беспорядку в головах людей, после которого начинается беспорядок в обществе: **исключением этической составляющей полностью выхолащивается содержание и сущность понятия "элита"**. Никакой иной критерий, например высокий государственный пост, здесь не годится и способен лишь ввести в заблуждение. Особо "талантливый" казнокрад или крупный взяточник не могут называться лучшей частью общества, какие бы должности в государственной иерархии они ни занимали.

Давая определение элиты, классик элитологии В. Парето включал в нее только "тех, кто характеризуется в своей сфере деятельности наиболее высокими показателями" [Парето, 2002, с. 232]. Критерии отбора лучших, основанные на реальной ценности их деятельности для социума, существуют для творческой, научной, военной, спортивной и, разумеется, политической элиты – **тех, для кого государственные интересы приоритетны, кто в своей политической деятельности приносит наибольшую пользу обществу.** Причем показатель деятельности политика прост и нагляден – благополучие его сограждан. Уже только по одному этому критерию ни советская номенклатура, ни ее нынешняя формация ("властная вертикаль") не могут считаться элитой ни по профессиональным (критерий квалификации), ни по деловым (критерий эффективности) качествам [Гудков, Дубин, Левада, 2007, с. 54–55].

Социолог А. Понеделков в своем исследовании, посвященном проблемам элитологии, подчеркивает, что российское общество в 1990-х гг. было ввергнуто в состояние тотальной маргинализации, аналогов которой на Западе нет. Поэтому говорить о ка-

ких-либо элитобразующих процессах применительно к такому обществу вряд ли возможно. "Оно атомизируется, аноимируется, в нем теряется социальное управление и происходит цивилизационная деградация. В таком случае властные, управленческие функции перехватываются группами, которые по своим основным признакам скорее могут быть отнесены к антиэлитам или асоциальным группам, и проводимые рассуждения о политических элитах в России приобретают характер утопии" [Понеделков, 1996, с. 134].

В отличие от элиты, у номенклатуры совершенно «иная основа – лояльность снизу по отношению к высшим, отбор сверху по степени близости к "своим" (землякам, одноклассникам и другим подобным неформальным основаниям)» [Гудков, Дубин, Левада, 2007, с. 54–55]. Номенклатура комплектуется по совершенно иным, прямо противоположным критериям: для того, чтобы оказаться в ней, надо было быть рядовым, серым, уметь "прогнуться". Как известно, в СССР селекция в правящий класс производилась по отрицательным критериям. Лучшие – волевые, самостоятельные, талантливые, совестливые, с высоким интеллектом системой неукоснительно отбраковывались², что стало одной из главных причин падения режима. В концентрированном виде кадровое убожество советской правящей верхушки наглядно продемонстрировали руководители ГКЧП в августе 1991 г. Телекамеры сделали это жестоко и безжалостно.

В середине 1990-х гг. в российской лексике на всех уровнях социальной иерархии стало господствовать наречие "как бы", употребление которого приняло универсальный характер. По-видимому, общество инстинктивно почувствовало условность многих перемен и соответственно это оценило. Возникла, в частности, и "как бы элита". Современное российское государство характеризуется наличием различного рода мифов, фантомов и прочих виртуальных конструкций. "Это относится и к лидерам мнений, носителям образцов поведения, авторитетным для общества фигурам, самостоятельным движениям, партиям, союзам. Их не просто *фактически* нет (хотя сегодня это почти что так) – для них сегодня нет никакой осмысленной роли, – подчеркивают Л. Гудков, Б. Дубин и Ю. Левада. – Можно сказать даже больше: в социуме, который так или иначе объединен подобной воображаемой конструкцией власти-массы, в строгом смысле слова вообще не бывает элит. Здесь есть принципиально по-иному, ведомственно-иерархически организованная номенклатура, плюс аморфная в социальном плане интеллигенция. Последняя частично входит в номенклатуру, частично ее обслуживает, а в отдельные периоды ослабления господствующего режима до определенной степени и в определенной части от номенклатуры мысленно дистанцируется или, совсем уж редко, ей на практике противостоит" [Гудков, Дубин, Левада, 2007, с. 124] (см. об этом также [Элита... 2008]). Разумеется, подобная позиция авторитетных исследователей дискомфортна для тех, кто подверстывает строгие научные категории под идеологический заказ.

В отличие от элиты номенклатура (лат. *nomenclatura* – роспись имен) всего лишь круг должностных лиц, назначение и утверждение которых относится к компетенции какого-либо вышестоящего органа. В Советском Союзе население, а уж тем более работники государственного аппарата знали, что (цитирую типовое учебное пособие того времени) "номенклатура – это перечень наиболее важных должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматриваются, рекомендуются и утверждаются данным партийным комитетом (райкомом, горкомом, обкомом партии и т.д.). Освобождаются от работы лица, входящие в номенклатуру партийного комитета, также лишь с его согласия" [Партийное... 1984, с. 301]. Академик А. Сахаров так писал о советской правящей верхушке: «Хотя соответствующие социологические исследования в стране не проводятся, либо засекречены, но можно утверждать, что уже в 1920-е–

² Парето охарактеризовал этот процесс как рекрутацию в правящий слой элементов того же или даже еще худшего качества, чем основная масса представителей "элиты" – такова, на его взгляд, одна из главных причин упадка Римской империи в III–IV вв.

1930-е гг. и окончательно в послевоенные годы в нашей стране сформировалась и выделилась особая партийно-бюрократическая верхушка – "номенклатура"» [Сахаров, 1975, с. 19].

История человечества убедительно показывает, что правящий класс совсем не обязательно формируется из представителей политической элиты общества, то есть наиболее способных осознавать, формулировать и реализовывать общественные интересы. Советская правящая верхушка оказалась не способной к этому и привела государство к катастрофе. Анализируя ее природу и сущность, М. Восленский указывал именно на виртуальность ее общественной ценности: "Номенклатура не только **приписывает себе качества**, прямо противоположные ее истинной природе – она требует от всех признавать за ней такие качества.. Номенклатура паразитирует на моральных категориях, которые ей внутренне чужды" [Восленский, 1991, с. 509]. Последнее утверждение – одно из сущностных признаков данного слоя.

В отличие от номенклатуры элиту нельзя назначить. Например, один из российских губернаторов первого поколения получил свой пост на демократической волне начала 1990-х гг., то есть он "был зачислен в нынешнюю российскую элиту". Выпускник профтехучилища одного из районных центров российской глубинки, он был рослым, физически очень крепким человеком, обладал зычным голосом, но этим его достоинства исчерпывались. Поэтому в отличие от более умелых, можно даже сказать – более умных и грамотных чиновников он быстро попался на воровстве бюджетных денег и первым среди российских губернаторов оказался в тюрьме. Следовательно, если придерживаться современного российского политического дискурса, он "выбыл из элиты". Точно так же когда-то происходило с членством в КПСС: написал заявление – приняли, проворовался и сел – исключили. То есть к аналогичной ситуации термин "элита" неприменим. И дело не в лексических несообразностях и передержках. Считать подобных лиц политической элитой общества – значит, манипулировать его сознанием.

Высокие профессиональные, интеллектуальные и нравственные качества политической элиты формируются поколениями. Для поддержки процесса ее воспроизводства в большинстве стран существует система отбора наиболее способных, или, как говорил французский политолог Л. Боден, "обладающих интеллектуальным и моральным превосходством над остальной массой людей" [Современная... 2003, с. 79], и эффективный контроль общества за представителями данного меньшинства. В эту систему входит и ряд учебных заведений с высокопрофессиональной профессурой. Представителям бедных слоев общества путь в элитарные образовательные учреждения отнюдь не закрыт. Для талантливых молодых людей существует широкая система как государственного, так и частного финансирования. Аналогичным образом выпускники других вузов не лишены возможности подняться "наверх", что свидетельствует о постоянной заинтересованности социума в высоком профессионализме и широкой образованности своих будущих лидеров, а по существу, о его заботе о себе. Общество стремится защитить себя от попадания во власть невежественных³ и безнравственных людей, и это – проявление инстинкта его выживания.

Известный российский государственный деятель, ученый и писатель К. Скальковский еще в позапрошлом веке писал: "В Англии сложился годами особый правительственный класс людей, который в молодости готовится к занятию высших государственных должностей, возвращается постоянно в особую политической атмосфере и невольно приобретает массу сведений и практический взгляд, вырабатывающийся у других долгим опытом" [Скальковский, 1890, с. 4–5]. Если обратиться к истории России, то во второй половине XIX в. значительную роль в этом классе сыграли земства.

³ Образовательный уровень западной элиты очень высок и имеет тенденцию к росту. Так, в США в 1970-е гг. образовательный уровень на базе двух и более университетов был характерен для 53% политической элиты, в ФРГ – 57%, в Великобритании – 64% [Глазова, Горшкова, Мазурин, 1979, с. 138–149].

Они многое сделали не только для формирования политической элиты, но и для нормального сотрудничества между властью и обществом. На приоритет нравственной компоненты при формировании состава земств указывают многие отечественные исследователи [Леонтович, 1995, с. 311; также см. Российский... 2007].

Следует особенно подчеркнуть, что наличие общественного согласия относительно порядочности кандидатов (их честности, морального авторитета в обществе, чувства справедливости) – неперемное условие квалификации в качестве людей, способных к определению стратегии или целей национальной политики. Поэтому с понятием "политическая элита" тесно связано понятие "общественная репутация". Так, в 1962 г. во время избирательной кампании Дж. Кеннеди его политические конкуренты (республиканцы) тщательно проверяли игровые заведения Монте-Карло, чтобы найти подтверждение информации, будто в первые послевоенные годы молодой морской офицер Кеннеди приезжал в Монако играть в казино. Если бы это подтвердилось, его репутации был бы нанесен существенный ущерб и вряд ли в то время американцы выбрали бы своим президентом человека, любящего играть в рулетку.

Разумеется, и в среде политической элиты происходят разоблачения и скандалы, но это обычно означает конец политической карьеры их участников. За последние пятнадцать лет в России произошла масса разоблачений высокопоставленных чиновников. Против многих высших должностных лиц, включая премьер-министров, вице-премьеров, министров, губернаторов были возбуждены уголовные дела, а двое из них успели посидеть в тюрьмах Швейцарии и США. Но сказать, что это как-то негативно отразилось на их политической карьере, нельзя. Общественная репутация политического деятеля в современной России не считается значимой ценностью.

В странах с устоявшимися демократическими традициями и система подготовки и отбора, и общественный контроль, и общественное согласие относительно тех, кому можно доверить управление государством, постепенно привели к тому, что понятия "политическая элита" и "правлящий класс" во многом совпадают. Из политической элиты общества в этих странах формируются и представительная, и законодательная, и исполнительная власть. Для таких стран вопрос разграничения упомянутых понятий неактуален. Они уже давно забыли о таких формах власти, как автократия, олигархия, охлократия, плутократия, клептократия и пр. Но для государств переходного – от тоталитаризма к демократии – периода это различие не только принципиально, но и актуально. Оно так же важно в процессе становления гражданского общества, как и социально-политический критерий в процессе формирования, например, среднего класса (см. [Симонян, 2008, с. 42]).

Проблема чистоты категориально-понятийного аппарата в общественных науках, в частности заимствование и механический перенос устоявшихся дефиниций из одного цивилизационного пространства (или же этапа развития общества) в другое, ненова. Достаточно вспомнить, как марксистскую терминологию ("классовая борьба", "пролетариат" и др.) пытались применить к политическим процессам в тропической Африке в 1950-х гг., когда там начала рушиться колониальная система.

В этой связи уместно напомнить о двух подходах, используемых нынешним российским истеблишментом по отношению к Западу. Согласно первому, Россия ему противопоставляется, педалируется ее "особый путь", агрессивно отрицаются все западные гуманистические ценности как "изначально чуждые нашему национальному характеру", и т.д. Этот подход отражает стремление возвести стену между Западом и Россией, а по существу, преследует только одну цель – оправдать неэффективное руководство, бюрократический произвол, низкий уровень жизни населения при несметных сокровищах и сказочной для России конъюнктуры цен на мировом рынке. Второй подход противоположен первому: он используется, когда правящей верхушке выгодно апеллировать к западным образцам, чтобы "у нас было так же, как у них". В октябре 2006 г. вице-спикер Государственной думы РФ Л. Слиска в одном из выступлений по радио совершенно искренне сокрушалась, что зарплата американских конгрессменов выше, чем зарплата российских депутатов. Возможно, для члена "как бы парламента",

уважение к которому у россиян по данным многочисленных социологических опросов находится на крайне низком уровне и который у нас является "не местом для дискуссий", ее жалобы "как бы справедливы". Сторонники такого подхода стремятся подвести к выводу, что наш правящий класс следует считать политической элитой по аналогии с западным.

И такое желание так легко понять. Французский социолог и семиотик Р. Барт указывал на "стремление власти, использовать всевозможные мифы, культурные стереотипы, социолекты, направленные на деформацию реальности с целью создать такой образ действительности, который совпадал бы с ценностными ожиданиями носителей мифологического сознания". При этом власть озабочена «сокрытием собственной идеологичности, поскольку всякая идеология хочет, чтобы ее воспринимали не как одну из возможных точек зрения на мир, а как единственно допустимое его изображение. Т.е. миф не должен выглядеть "продуктом культуры", а "явлением природы" и потому вовсе не случайно паразитирует на идеологически нейтральных знаках естественного языка: вместе с наживкой он заставляет потребителя проглатывать и крючок идеологических смыслов» [Barthes, 1970, p. 8, 10].

Различия в природе элиты и номенклатуры проявляются и в психологической сфере. Существует тесная связь между ориентациями и установками личности и ее психологическим типом. Доминирование государственных, общенациональных ценностей неизбежно придает представителям элиты широту в отношениях с людьми, определенный оттенок масштабности, благородства и великодушия в характере. И наоборот – узости личного экономического или политического корыстолюбия временщиков неизбежно сопутствуют мелочная мстительность, злопамятство, зависть. Принципиальные различия проявляются и в локусе контроля личности. Если первые как более сильные берут ответственность за состояние общества на себя, то вторые перекладывают ее на других. Они всегда пребывают в поиске виноватых: в развале СССР виновато ЦРУ; в гибели подводной лодки "Курск" – американская субмарина; в экономическом кризисе – евреи, в трагедии Беслана – международный терроризм; в беспорядках на московских рынках – азербайджанцы; во внешнеполитических провалах – мировая закулиса; в голодовках заключенных в российских тюрьмах – правозащитники; в митингах против монетизации льгот – пятая колонна, и т.д. О полном отсутствии у номенклатуры ответственности перед обществом свидетельствует тот факт, что за несколько последних десятилетий никто из руководителей государства или правительства не отчитался за проделанную ими работу по существу. «Главные функции этой "элиты" – кадровый контроль, легитимация режима, осуществляемая путем информационного ограничения, пропаганды, пиара» [Гудков, Дубин, Левада, 2007, с. 71].

Элита в подлинном смысле – творческая, научная, политическая – самая ценная составляющая общества. Как сердцевина живого социального организма она концентрирует в себе лучшие его качества. Ее роль в сохранении и развитии культурного наследия нации, в выживании и процветании ничем не может быть заменена. Элита представляет собой совокупность людей – носителей человеческих качеств, наиболее важных для сохранения и развития социума. Эти качества или даны от Бога, или приобретены в процессе воспитания, но они либо есть, либо их нет. Приказом же о назначении или снятии с поста формируется номенклатура, но не элита. Ошельмованный и лишенный свободы в горьковской ссылке А. Сахаров не перестал быть представителем российской политической элиты. Что же касается тех, кого наши СМИ причисляют к политической элите, то, по мнению Ю. Левады и его коллег, «относимые к "элите" фигуры не обладают никаким собственным авторитетом, поскольку их "достижения", носящие характер чистейшего блефа, никем не признаны, их просто некому признавать» [Гудков, Дубин, Левада, 2007, с. 73].

Будучи лучшей частью этноса, элита выражает его интересы, проявляет о нем заботу, стремится к его просвещению. Солидарность элиты со своим народом проявляется прежде всего в ее заинтересованности в его физическом и нравственном здоровье. Это историческая закономерность, ибо здесь между целым и его частью суще-

ствует родовая связь: исчезнет народ – исчезнет и его элита. У номенклатуры нет аналогичных связей с этносом, здесь иная природа, иная мотивация, иные отношения. "Ошеломленная от своего неожиданного сверхбогатства, – писал о российской правящей верхушке 1990-х гг. А. Солженицын, – эта сплотка корыстных людей бесконечно равнодушна к судьбе подвластного им народа и даже к тому, выживет ли он вообще или нет" [Солженицын, 1998, с. 49].

В 1990-е гг. российские СМИ усиленно популяризировали тезис об обреченности "голодных людей, оказавшихся во власти, на казнокрадство", о господстве инстинкта грабить, пока не достигнуто состояние "сытости" и т.п. В октябре 1998 г. в интервью одной из ведущих американских радиокomпаний – "Нью-Йоркскому радио WMNB", А. Кох – один из представителей нынешней российской номенклатуры (с августа 1993 по август 1998 г. первый заместитель, а затем председатель Госкомимущества РФ) следующим образом высказался о будущем России и ее граждан: "Сырьевой придаток. Безусловная эмиграция всех, кто умеет думать, изобретать. В последующем превращение в десяток маленьких государств. Россия никому не нужна. Она только мешает. Россия – обанкротившаяся страна. В мировом хозяйстве для нее нет места" (цит. по [Валянский, Калюжный, 2002, с. 318–319]).

Эту пропагандируемую "фатальность" опровергают исторические примеры. Вот, например, что писал В. Ключевский о российских государственных деятелях кануна Петровских реформ: "В борьбе с самими собой, со своими привычками и предубеждениями они одержали несколько важных побед, облегчивших эту борьбу дальнейшим поколениям. Это была их бесспорная заслуга в деле подготовки реформы. Они подготавливали не столько саму реформу, сколько самих себя, свои умы и совести к этой реформе" [Ключевский, 1988, с. 337]. Поэтому сравнивать Д. Голицына, Г. Потемкина, М. Сперанского, Н. Панина, А. Горчакова, М. Лорис-Меликова, С. Витте, В. Коковцова, А. Головинина, П. Столыпина и других реформаторов прошлого с реформаторами 1990-х гг. некорректно. Не говоря уже о том, что, имея богатое воображение, невозможно представить сентенцию Коха в устах самого никудышного министра царского правительства. Внедренное в постсоветское массовое сознание представление о якобы имманентно присущей российским реформаторам нравственной нечистоплотности опровергается и периодом после Февральской революции 1917 г. Даже большевики не отрицали, что ее лидеры в большинстве своем были образованными и честными людьми, не пытавшимися грабить свою страну и обманывать намеренно ее народ. Никто из них не был замечен в стремлении к личному обогащению, в злоупотреблениях властью.

Российские философы много размышляли по поводу воспитания и сохранения лучшей части общества. Н. Бердяев определял ее как духовную аристократию – высшую человеческую породу. Уничтожение феодального строя на Западе, подчеркивал он, не было полным уничтожением духовных качеств, выработанных феодальным рыцарством: благородства, чувства собственного достоинства, честности, верности слову, готовности служить обществу, жертвенности. Этим чертам подражали и другие социальные слои [Бердяев, 1990, с. 127–139]. Данную оценку разделял и другой мыслитель – П. Сорокин, считавший, что в России была собственная элита или аристократия – дворянство, которое успешно выполняло важные общественные функции, будучи по существу целиком поглощенным государственными делами [Сорокин, 1992, с. 290]. Увы, начало XX в. было омрачено трагическими для России событиями, вследствие которых значительная часть российской элиты оказалась физически истреблена Гражданской войной и волнами массового террора или ушла в эмиграцию.

Повседневная практика показывает, что в отличие от аристократии нынешний российский политический класс лишен чувства идентичности со своей страной, ее национальными интересами. Так, государственные деятели Российской империи считали службу своих сыновей в армии, подразумевавшую участие в боевых действиях, почетным долгом. Даже престолонаследник, будущий император Александр III сражался во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. как строевой офицер и за проявленную

храбрость был награжден орденом св. Георгия. Среди участников боев в обеих чеченских войнах практически нет детей российской номенклатуры⁴.

Этот слой ничего не потеряет, даже если гипотетически допустить, что России не будет: его представители переедут в Испанию, на Французскую Ривьеру, в Калифорнию или Флориду, где заблаговременно приобретена недвижимость. Реплика А. Волошина – главы администрации первого и второго президентов РФ о том, что "пипл все схавает", позаимствованная им из жаргона шоу-бизнеса, точно выражает суть отношения номенклатуры к своим согражданам. Они не могут быть объектом ее заботы, но только электоратом, источником прибыли, пушечным мясом, предметом манипулирования и, наконец, социальным балластом, от которого хорошо бы поскорее избавиться. Население России для ее правящего слоя – постоянный раздражитель, требующий пенсий, выплат на детей, бесплатного инсулина и т.п., вынуждающий "напрягаться" по поводу зарплат учителям и врачам, которые учат или лечат не "элитных" детей, а всего лишь простых граждан.

Когда российское телевидение показывает не обремененных "лишним" образованием и воспитанием депутатов Государственной думы, откровенно озабоченных лишь собственным благополучием и даже не камуфлирующих полное отсутствие заботы о национальных интересах, при этом требуя считать их политической элитой, то опасность деградации общества представляется особенно реальной. "Основная проблема в России не в обществе, а в российском правящем классе, – полагает Л. Шевцова. – Здесь мы сталкиваемся со спецификой современного российского развития, которая заключается в том, что правящий класс в этой стране сегодня гораздо архаичнее самого общества, что заставляет нас пересмотреть известное положение, согласно которому общество достойно своего правительства. Оказывается, бывают исключения из этого правила... Перемалывание кадров привело к формированию сервильного правящего класса, который поглощен только стремлением к самосохранению. Получилось так, что в России общество и правящий класс начали двигаться в разные стороны" [Шевцова, 2005].

К аналогичному выводу приходит и Ж. Тощенко, глубоко исследовавший качественный состав нынешней правящей верхушки. По его мнению, «нами правят – и в политике, и в экономике – не элиты, а группы людей, к которым наиболее применимы и соответствуют их духу, целям и методам деятельности такие понятия, как "клики", "кланы", "касты". Разумеется, они претендуют на носителей общественных интересов. И мерой их циничности выступает постоянно внушаемое всем окружающим утверждение: если это выгодно им, то это выгодно и полезно для общества» [Тощенко, 2000, с. 130–131].

Однако в массовое сознание россиян все глубже проникает процесс подмены понятий "элита" и "номенклатура", поскольку на него воздействуют не только ангажированные СМИ, но и позиция отдельных представителей академической науки, отождествляющих упомянутые категории (см., например, [Крыштановская, 2005]). Социальный резонанс таких подходов, в основе которых лежит заимствование зарубежных терминов и объяснений безотносительно их адекватности и приложимости к нынешней российской ситуации, неблагоприятен. Ибо в настоящее время, когда "история перестала быть естественно-историческим и становится социально-историческим процессом" [Штомпка, 1996, с. 290], вопрос формирования и поддержки лучшей части общества – это, по существу, вопрос о его динамичном и устойчивом развитии. Тогда как для российской правящей бюрократии данная проблема имеет иную конфигурацию:

⁴ В целом представители номенклатуры относятся к службе в армии своих детей так же, как и большинство российского общества: используют все возможности, чтобы избавить их от этой "священной обязанности". Для сравнения: принц Гарри – младший внук королевы Елизаветы II, третий в линейке наследников британского престола, добровольно участвовал в боевых операциях в Афганистане.

внедрение в общественный дискурс понятия "элиты" – это вопрос сохранения ее положения.

В современной истории решающую роль приобретают субъективные факторы, что поднимает значение как критерия профессиональности и эффективности, так и, что особенно важно, нравственного критерия субъектов политики, если учитывать возрастающую рискогенность современного мира. Ибо социальные закономерности в значительной мере дополняются и корректируются субъектами, или акторами, социального действия. "Даже если усилия социальных акторов исторического процесса нередко приводят к неожиданным, незапланированным последствиям, – справедливо полагает В. Ядов, – они не перестают быть продуктом их действий" [Ядов, 2001, с. 11].

О государственной поддержке элиты как главного попечителя общественного блага всерьез размышляли многие великие умы от Платона до А. Пушкина. Они, возможно, заблуждались, связывая аристократическое бескорыстие и аристократическую ответственность за общественное целое с каким-то конкретным сословием, но, наверное, были правы в том, что одной лишь заботы индивидов о личных интересах недостаточно для выживания и развития общественного целого. Самому демократическому обществу необходима элита, способная заботиться о стратегических интересах общественного целого **даже вопреки собственным сиюминутным интересам**.

Российские аристократы начала XX в. ("реакционеры") были правы, отказываясь измерять значимость общественного слоя исключительно ценой производимой им продукции. Для них ничуть не менее важны были ценности, которые этот слой исповедует. Дело и общества, и государства – не просто обеспечивать свободную конкуренцию всех ценностей, а скорее наоборот, оберегать от напора ценностей сиюминутных, массовых ценности сложные, хрупкие, которые лично необходимы лишь немногим и выявляют свою полезность в масштабах десятилетий. Самый репрезентативный пример тут – прикладная и фундаментальная наука. Сложившееся у нынешней номенклатуры представление, будто последняя для нашей страны – слишком дорогое удовольствие (ведь деньги, вложенные в нее, могут окупиться, а могут и не окупиться), привело к тому, что динамика финансирования фундаментальных исследований с начала 1990-х гг. характеризуется резким спадом. К середине 2000-х гг. затраты на них в России составили всего 43% от уровня предыдущего десятилетия [Стратегия... 2005].

Известно, что очень многие научные открытия, за которые вручались Нобелевские премии, были сделаны много лет или десятилетий назад. Но представители российской правящей верхушки (а не элиты) в основном, воспринимают фундаментальные исследования прагматически – как некую абстракцию, не влияющую на конкретные разработки. Между тем дело государства – быть хранителем сложности, не позволять ценностям напористым и примитивным, но сиюминутным поглотить ценности отдаленные и потому более уязвимые. Возможно, дворянские "реакционеры" рубежа XIX–XX вв. при всей их классовой односторонности лучше понимали важность этой задачи, от которой практически полностью отказалось современное "прагматическое" государство [Мелихов, 2004, с. 12].

* * *

Опыт учит, что любое общество устойчиво не только если оно организовано, но и его образ в умах граждан не входит в глубокое противоречие с реальным состоянием. Социальные же миражи, наподобие понятия "постсоветская элита", ублажающие и усыпляющие людей, не просто парализуют их энергию, но создают возможность риска внезапного пробуждения и выброса этой энергии, если вдруг появится андерсеновский мальчик и громко скажет правду. Получение упорядоченного знания о реальной действительности – основная цель общественных наук и прежде всего социологии как системы знаний об обществе. "То обстоятельство, что наука сегодня – специализированная производственная профессия, служащая познанию реальных взаимосвязей, – это и есть неотделимая данность нашей исторической ситуации, из которой мы не мо-

жем никуда выскочить", – писал М. Вебер о прикладной ценности фундаментального социального знания еще в начале прошлого века [Weber, 1922, S.60].

Но в нынешних обстоятельствах мало "добыть" научное знание. Неотъемлемая профессиональная задача научного сообщества – транслировать это знание в социум: преобразование его из достояния узких групп специалистов в политическую культуру широких слоев населения. Для решения этой задачи часто приходится преодолевать соблазны благих иллюзий, инерцию психологических установок, сложившиеся штампы и ложные стереотипы в массовом сознании, испытывая давление создаваемых политиками романтических утопий, мифов и расхожих предрассудков, а иногда и сопротивление агрессивного невежества. Сочинение пропагандистских фразеологем наподобие "социалистической" или же "управляемой демократии", равно как и извращение смысла понятий "элита", "гражданское общество" и т.п., не только затрудняют связь между наукой и широкой общественностью. Оно противопоставляет науку обществу, снижая ее авторитет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андропов Ю.В.* Учение Маркса и современность // Коммунист. № 1. 1983.
Бердяев Н.И. Философия неравенства. М., 1990.
Валянский С., Калюжный Д. Понять Россию умом. М., 2002.
Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
Глазова Е.П., Горшкова Л.В., Мазурин Г.Е. Некоторые социальные характеристики политической элиты в капиталистических странах (обзор) // Рабочий класс в мировом революционном процессе. Ежегодник. М., 1979.
Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. Проблемы "элиты" в современной России. Размышления над результатами социологического исследования. М., 2007.
Гуманистические ориентиры России. М., 2002.
Ключевский В.О. Соч. Т. 3. М., 1988.
Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М., 2005.
Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995.
Мелихов А. Два мифа. СПб., 2004.
Парето В. Элиты и аристократия // Личность. Культура. Общество. Т. IV. Вып. 3–4. М., 2002.
Партийное строительство. Учебн. пос. Изд. 8-е. М., 1984.
Понеделков А.В. Элита. (Политико-административная элита: проблемы методологии, социологии, культуры). Ростов-н/Д., 1996.
Российский либерализм: идеи и люди. М., 2007.
Сахаров А.Д. О стране и мире. Нью-Йорк, 1975.
Симонян Р.Х. Средний класс в современной России: миф или реальность? // Общественные науки и современность. 2008. № 1.
Скальковский К.А. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890.
Современная западная социология. Новосибирск, 2003.
Солженицын А.И. Россия в обвале. М., 1998.
Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. М., 1992.
Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года (http://regions.extech.ru/acts/rtf/strateg_2015.rtf).
Тощенко Ж.Т. Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. 2000. № 11.
Фромм Э. Здоровое общество. М., 1998.
Шевцова Л. Россия – год 2005: логика отката // Независимая газета. 2005. 25 февраля.
Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
Элита в "вертикальном" обществе // Общественные науки и современность. 2008. № 3.
Ядов В.А. А все же умом Россию понять можно // Россия: трансформирующееся общество. М., 2001.
Barthes R. Mythologies. Paris, 1970.
Putnam R. Making Democracy Work. Civic Traditions in Modern Italy. Princeton–New York, 1993.
Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1922.